изменения нового внешнеполитического курса России по сравнению с предшествующим николаевским периодом.

Библиография

Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.

Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. В трех томах. М., 2002.

References

Kudryavtseva E.P. Russkie na Bosphore. Rossijskoj posol'stvo v Konstantinopole v pervoj polovine XIX veka [Russians on the Bosphorus. The Russian embassy in Constantinople in the first half of the 19th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Očerki istorii Ministerstva inostrannyh del. 1802–1902 [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs. 1802–1902]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russ.)

Očerki istorii Ministerstva inostrannyh del [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs]. 3 vols. Moskva, 2002. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640014290-7

© 2021 г. **А.Б. Соколов**

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец. на книгу: ПРОШЛОЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО. ИСТОРИЯ-ПАМЯТЬ И НАРАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Под общей редакцией Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020, 464 с.

Соколов Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

A.B. Sokolov

THE PROBLEMS OF NATIONAL IDENTITY IN HISTORICAL MEMORY AND CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Rec. ad op.: THE PAST FOR THE PRESENT. HISTORY-MEMORY AND NARRATIVES OF NATIONAL IDENTITY. General Editor L.P. Repina. Moscow: Akvilon, 2020, 464 p.

Andrei Sokolov, Ushinskiy Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

Появление этой книги – замечательное событие в отечественной историографии. Научная история, которую по крайней мере с середины XIX в. почитали как «учительницу жизни» или «строгую надзирательницу, наказывающую за невыученные уроки», в течение последних десятилетий подвергается острой и часто обоснованной

критике. С одной стороны, в публичном дискурсе оспаривается научный характер истории, она противопоставляется естественным наукам как область знания, имеющая мало полезных свойств, а лишь используемая на потребу сегодняшнего дня. Она позволяет обосновать какие угодно политические и идеологические позиции, зачастую

противоположные. В таком подходе не много нового. О невозможности доказать исторические законы, следовательно использовать прогностический потенциал истории, писали многие выдающиеся мыслители на рубеже XIX–XX вв. Еще Фридрих Ницше утверждал, что только память о прошлом отличает человека от животного, но излишек истории вреден и чрезвычайно опасен. Французский писатель Поль Валери называл историю самым ядовитым продуктом, который выработало человечество. «Монументальная история», порождая героев и фанатиков, обрекает человечество на войны и революции. С другой стороны, к разочарованию историей ведет историческая политика, ставшая действительно международным феноменом в последние десятилетия. Во многих странах власть стремится командовать историей, в том числе путем принятия «мемориальных законов», карающих за высказывание точки зрения, отличающейся от официальной. Тем самым пресекаются дискуссии, являющиеся сердцевиной исторического исследования. В историческом образовании в России безраздельно господствует патриотический нарратив как монополия на историческую правду. Стержнем в осмыслении этих проблем является вопрос, вынесенный в название рассматриваемого труда — о соотношении между прошлым и настоящим (а также будущим).

Существует бросающееся в глаза противоречие между очевидным всплеском интереса к прошлому, одним из проявлений которого является мемориальный бум и многочисленные практики публичной истории, и ограниченным авторитетом, которым обладает сообщество профессиональных историков. Надо признать, что в этом в большой мере виноваты мы сами, поскольку подчас считаем выше своего достоинства обращаться к непрофессионалам, тем более на равных, а предпочитаем, как трудолюбивые пчелы, жужжать в собственном улье. В тех случаях, когда обращаемся, делаем это, как правило, назидательно и иногда догматично.

Поэтому даже те, у кого есть интерес, кто не игнорирует исторических книг или популярных статей в журналах, кто смотрит фильмы о прошлом, чаще всего думают, что в работе историка мало что изменилось за последние, скажем, 200 лет. Непрофессиональный читатель или зритель может оценить маленькое открытие историка, узнать что-то новое и любопытное для себя, но вряд ли задумывается над тем, какая теория скрывается за той или иной интерпретацией. Рецензируемая книга — в первую очередь попытка ответить на вызовы, которые стоят перед историогра-

фией, попытка рассказать (по меньшей мере, профессионалам), как изменилась и как меняется методология исторических исследований, как новые трактовки старых методологических понятий или принципиально новые теоретические установки влияют на конкретно-исторические исследования. Авторы книги избегают методологических крайностей, для них характерен взвешенный и осторожный (на мой вкус, иногда слишком осторожный) подход на нынешнем этапе острых методологических дискуссий, продолжающемся более четверти века. Такой подход, выверенный и местами примирительный, в то же время инновационный и доказательный, примет сегодня, пожалуй, большинство профессиональных исследователей прошлого. Среди других методологических понятий особое значение приобрела в последние годы категория идентичности. Толчком для этого стали усиление мультикультурализма и глобализма в 1990-х годах и в начале нынешнего века и ренессанс национализма и конфессионализма, происходящий на наших глазах. Поиск идентичностей, со всеми противоречиями, сложностями, стереотипами, мифами и ошибками, явился стержневой идеей, вокруг которой выстроено содержание всех глав книги.

Позволю себе, избежав скрупулезного анализа всех глав, привлечь внимание к идеям, которые показались наиболее продуктивными. Безусловно, настрой на инновационность и методологическую четкость задает первая, вводная глава, написанная редактором книги членом-корр. РАН Л.П. Репиной. Ее основная идея связана с ключевой проблемой соотношения между исторической памятью и историографией. Как известно, основатель теории исторической памяти Морис Хальбвакс противопоставлял их, рассматривал первую как хаотичную, передающуюся преимущественно в устной традиции, сохраняющуюся лишь в течение относительно недолгого времени, пока живы непосредственные свидетели или те, кто застал их и слышал их воспоминания. Функция историографии состоит в замещении памяти, в придании ей официального характера, как правило, в соответствии с установкой, которую озвучивает власть. Близкой точки зрения придерживался авторитетный Пьер Нора, создатель концепции «мест памяти». Как замечает Репина, противопоставление такого рода было популярным на рубеже XX–XXI вв. под влиянием постмодернизма, отрицавшего прошлое как реальность (с. 26). Она придерживается иной позиции, которую, собственно, сформулировала достаточно давно, в частности в статье «Историческая память и современная

историография» (Новая и новейшая история. 2004. № 5), но привела ряд дополнительных аргументов, базирующихся на платформе новейших исторических исследований. Гибкость этой позиции весьма привлекательна для практикующих историков, поскольку позволяет утверждать, что за ними сохраняется функция главных экспертов прошлого, в то же время избежать догматичности, позволяя не игнорировать многочисленных «поворотов», которые претерпела историография в последние десятилетия. Более того, Репина не отвергает идеи «изобретения прошлого», отражением этого подхода является название книги «Прошлое для настоящего» (с. 15). С одной стороны, она постоянно возвращается к идее неотделимости истории и памяти, используя концепт «история/память» (даже в названии): «Память неотъемлема от исторического знания вообще, тем более от такой его формы, как национальная история» (с. 27). Она утверждает, что ныне главным объектом преломления усилий историков становится историческое сознание (а не объективная реальность и исторические закономерности, как провозглашал традиционный историзм). Функция профессиональной историографии — выступать в роли «разоблачительницы» бытующих в сознании околонуточных мифов о прошлом. Для автора актуально предупреждение Юрия Лотмана, что когда «текст расходится с очевидной и известной аудитории жизненной реальностью, то сомнению подвергается не он, а сама эта реальность, вплоть до объявления ее несуществующей» (с. 15). С другой стороны, Репина подчеркивает, что прежние методологические стереотипы, во многом основанные на позитивизме, плохо отражают современную ситуацию; она признает, что теперь преобладает «более мягкое определение научности», и соглашается, что «история представляет не только научную, но и социальную практику», и с этим нельзя не согласиться.

В то же время Репина не отказывается от принципа историзма. Как известно, вторая половина XX в. была наполнена интеллектуальными дискуссиями в этой области от классического «Возникновения историзма» Фридриха Мейнеке, считавшего этот принцип высшим достижением философии истории, до, скажем, Хейдена Уайта или Франклина Анкерсмита, отрицавших его познавательную ценность. В книге мы видим версию историзма, модифицированную в части, касающейся способности историка абстрагироваться от собственных предпочтений, «бесстрастно» и объективно описать прошлое. В книге отсутствует любая догматика в плане интерпретации истори-

ческих законов, однако примем во внимание, что сам концепт «прошлое для настоящего» отражает классическое, в духе историзма представление о развитии и прогрессе. Репина считает продуктивными две модели историописания: национальный нарратив и макроисторическое (цивилизационное) исследование. Она признает, что всякий нарратив конструируется на основе сознательной селекции фактов и вытеснения альтернативных интерпретаций, но указывает, что такая практика привлекательна для публики; «законы жанра “биографии нации” требуют драматического разветвления и сюжетной завершенности событийного ряда» (с. 19). В плане разработки темы идентичности основополагающим является тезис, что мнение о «вечном» характере национальных идентичностей не проходит проверку научным исследованием.

Вторая и третья главы, написанные к.и.н. И.Н. Ионовым, — это интересная попытка конструирования нарратива о России, СССР и постсоветской России на основе ключевого концепта «идентичность». В той части, в которой затрагивается история имперского периода, авторская концепция строится следующим образом. Отправной точкой И.Н. Ионов считает войны с Францией 1805–1814 гг., предопределившие переход от цивилизационной, по его определению, идентичности тогдашней элиты — дворянства — к национальной идентичности. Такого мнения придерживались многие исследователи, например британский русист Орландо Файджес в книге о культурной истории России «Natasha's Dance», название которой навеяно эпопеей Л.Н. Толстого. Да и многие современники в записках и мемуарах констатировали этот сдвиг. Согласен с точкой зрения автора, что в правление Александра I не произошло разрыва с Западом, напротив, и в политическом, и в идейном отношении его пример продолжал оставаться источником и государственной политики, и общественных движений. Отсюда, к слову, возникает потребность пересмотреть стереотип отношения к Священному союзу как «заговору монархов против народов», обратив внимание на использование его (отчасти успешно) в качестве инструмента мира. Как отметил И.Н. Ионов, декабристы пытались совместить западные идеи конституционализма и свободы с национальной традицией, которую выводили из особенностей вечевых учреждений. При Александре «универсализм и диалоговый идеал» сохранялись, о чем свидетельствуют многие примеры, приведенные во второй главе. В частности, первый проект храма Христа Спасителя А.Л. Витберга,

в большой мере стиравший сословные и конфессиональные перегородки ради экуменизма и общенациональной идеи. Об этом, кстати, еще в 1991 г. в книге «Вехи отечественной истории» подробно писал В.Г. Сироткин. Дискурс сменился при Николае I. При нем «идея прогресса стала периферийной, память и идентичность все более односторонне регулировались интересами государства» и царской власти (с. 46). Произошел переход от идеи диалога к противопоставлению «удивительного прошлого России, ее великолепного настоящего и блестящего будущего» (почти так формулировал эту идею А.Х. Бенкендорф) и катастрофического будущего Европы. Последовательно антизападнические настроения сформулировал профессор С.П. Шевырев как представитель государственнической идеологии. Однако с противопоставлением западников и славянофилов по принципу их отношения к Западу можно не согласиться. Стоит принять во внимание позицию ученых (см., например, В.Я. Гросула), которые рассматривают их как два крыла оппозиции государственнической идеологии. В самом деле, как обвинять в пренебрежении европейскими ценностями настоящего англофила, каким был Алексей Хомяков! В то же время верно наблюдение, что теория официальной народности была отделена от народной культуры.

Правление Александра II И.Н. Ионов рассматривает как время, когда были предприняты усилия по формированию гражданской идентичности подданных Российской империи, по развитию, хотя и непоследовательному, национального диалога. Правительство эксплуатировало идею славянской солидарности и пыталось превратить ее в интегрирующее ядро империи. Однако непоследовательность власти и слабость гражданского общества породили революционное движение и террор, в дальнейшем при Александре III и Николае II отказ от реформ и использование великорусского шовинизма стали главными средствами легитимации власти. Это привело к недоверию со стороны не только интеллигенции, но крестьян и рабочих, поверивших пропаганде социал-демократов, к острому недовольству населения многих окраин империи, фактически к распаду идентичности. В культуре Серебряного века проявилась, по мнению автора, «усталость от запретов власти и желание найти альтернативную идентичность» (с. 69). Кризис породил у власти желание сплотить население войнами, что, в конечном счете, вело к дискредитации власти. Как итог, «государственническая, подданныческая идентичность в условиях авторитарной власти, чрезвы-

чайного положения, националистической политики и нарастающего недовольства тяготами Первой мировой войны не могла сопротивляться влиянию демократической гражданской идентичности и этнокультурных идентичностей» (с. 71). Концепция, изложенная И.Н. Ионовым, носит выраженный либеральный характер и включает ряд дискуссионных аспектов. В то же время она имеет стройность и целостность.

Больше вопросов, с моей точки зрения, вызывает третья глава, посвященная памяти и идентичности в советский и постсоветский периоды. В ней немало интересных наблюдений, в том числе о политике большевиков по национальному вопросу, о противоречиях поиска идентичностей в 1920-х годах, о вытеснении остатков гражданской идентичности, о теологических мотивах в выработке политической идентичности (труды классиков как вариант Священного Писания), о причинах и обстоятельствах, при которых Великая Отечественная война стала краеугольным камнем советской идентичности, и другие. Следует согласиться с суждением, что в 1930-х годах сложились новые формы политики в области формирования идентичности, сконцентрированной на вожде. Автор не скрывает своей политической позиции, он явно сожалеет об утрате приоритета общечеловеческих ценностей и об установлении системы государственного насилия. Это убедительно подтверждается многочисленными известными и менее известными примерами. Мне абсолютно близка авторская идеологическая позиция, но это не лишает права поставить некоторые вопросы. Возможно, я ошибаюсь, но сложилось впечатление, что автор уводит обсуждение в сторону механизмов государственной пропаганды, которые раскрываются им детально и многосторонне. Конечно, это имеет отношение и к исторической политике государства, и к использованию (часто ложной) памяти в политических целях. У меня нет отторжения к использованию терминов «навязанная идентичность», «негативная идентичность», но кажется, что остался не в полной мере артикулированным вопрос, а была ли «советская идентичность» (этот термин использован автором), какие компоненты она включала и вызывает ли она какие-то положительные коннотации. И.Н. Ионов прямо указывает на субъективность своего подхода к проблеме, когда речь идет о постсоветском времени, но мне кажется, что он сумел довольно точно показать, как менялись государственные приоритеты и общественные представления в сфере исторической памяти и как, с какими трудностями и противоречиями

проходил и проходит поиск российской идентичности. Основной вывод, который напрашивается после прочтения этих глав книги — о гипертрофированной роли власти в процессе самоидентификации общества, породившей неразрешенность многих проблем.

В четвертой—шестой главах, написанных д.и.н. С.И. Маловичко, решается вопрос об эволюции историописания в XVIII—XIX вв., о возникновении так называемой национальной истории, ее роли в формировании национальной идентичности и о презентации национальной истории в учебных книгах досоветского периода. Сильная сторона этих разделов в использовании сравнительного метода. Держа в фокусе внимания российскую историографию и учебную литературу, С.И. Маловичко тщательно изучил труды, появившиеся в разных странах Европы, и справедливо указал на преобладание общих черт. Полностью разделяю главную идею автора: на рубеже XVIII—XIX вв. произошел переход от историописания, строившегося на принципе универсализма, к национальной истории, от морального воспитания на исторических примерах к проповеди национальных добродетелей и национального величия. Он справедливо подчеркнул, что невнимание к этим отличиям препятствует разрешению историографических проблем. Главными признаками данного процесса автор считает переход от любительского интереса к профессиональной историографии; особое внимание к «своему» государству, идеализацию народа и его героев; этатизм; эволюцию от истории «на примерах» к новому режиму историчности (т.е. фактически к возникновению историзма); усиление практической и дидактической составляющей национальной истории, обслуживание национальных и государственных интересов (с. 169—170). Любопытно не только концепция С.И. Маловичко, но и многие частные аспекты, артикулированные автором, например трансформация жанров в историописании, вопросы терминологии и риторики исторических работ, в частности М.В. Ломоносова. Здесь автор использует достижения современной филологии, к примеру результаты работ Г.Ч. Гусейнова. С.И. Маловичко убедительно продемонстрировал, какую новую роль в формировании идентичности играет в XIX в. учебная литература. Привлекают внимание стратегии, к которым прибегают для конструирования учебного текста — патриотического нарратива. В их числе поиск «своей» крови в далекой древности, метафора «мирных предков», приписывание им положительных качеств, в частности гуманности и храбрости, метафоры «вели-

чия», «прогрессивности» и «одаренности» «своего» народа, а также его исключительности (с. 203). К этому можно добавить, что примерно в одно время, во второй четверти XIX в., в странах западной культуры возник современный урок истории как урок патриотического и политического воспитания для большого круга школьников. Его появление было вызвано становлением гражданской идентичности, расширением участия масс в политике. Новая парадигма исторического образования, пришедшая на смену прежней (моральное воспитание на примерах добродетельности), была направлена на то, чтобы охватить как можно больше детей, а не только выходцев из элиты, чтобы средствами истории передать им политическое послание власти.

Подход к истории историописания в Англии, изложенный д.и.н. В.В. Высоковой в седьмой—девятой главах, представляется достойным дискуссии. Она согласилась с Р. Козеллеком, назвавшим период с середины XVIII до середины XIX в. «временем следовины», и отметила, что «нация стала скрепляющим общество паттерном, заменив на этом “посту” церковь, династию и феодальный патернализм» (с. 216—217). Можно согласиться с использованием термина «историографическая революция» (речь идет о 1580—1640 гг.), но не выглядит доказанным утверждение, что она была следствием сформировавшейся у деятелей итальянского Возрождения национальной идеи. Да, в елизаветинской Англии успехов достигла антикварная историография; да, появился интерес к местной истории; да, зарождалось новое толкование пространства и времени и новая модель письма, но только предположительно эти сдвиги явились следствием новой идентичности. «Служение короне (государству) задавало новый патриотический дискурс» (с. 223). Служение монарху — не эквивалент служения государству в том смысле, который вкладывался в это слово в XIX столетии, а главное — здесь нет «народности» опять же в понимании XIX в. Двигаясь в этом направлении, можно историзм приписать антикварам. Неправильно относить Козеллека к «билефельдской школе». Он действительно долгие годы работал в Билефельдском университете, но к этой школе он не только не имел отношения, но относился к ней весьма скептически. Это школа социально-критической истории, лидером которой был Г.-У. Велер. Разрабатывавший вместе с Козеллеком теорию исторических понятий О. Бруннер вовсе не имел отношения к Билефельду. Критика концепции В.В. Высоковой несколько не умаляет значения многих интересных соображений,

высказанных ею об антикварной историографии. В восьмой главе автор продолжила изучение взглядов антикваров, прежде всего юристов, и раскрыла трактовку у них происхождения древней английской конституции, нормандского завоевания, изменений в земельной собственности и других вопросов. Она указала на различие подходов и отметила особую роль Д. Юма. В девятой главе В.В. Высокова рассмотрела вигскую историографию XIX в., подчеркнув, что взгляды Г. Галлама, Т. Маколея (о нем рассказано наиболее подробно) и других историков этого направления формировались как отторжение Юма, в котором они видели консерватора. При этом главное значение придается интерпретации ими характера идентичности: английской и британской. Высокова справедливо отметила, что споры о «британскости» и «английскости» не ослабли и в современной историографии.

Эту тему продолжает глава десятая, в которой д.и.н. М.В. Кирчанов исследовал в сравнительном контексте аспекты британской и российской историографий, связанные с представлениями о национальной истории. В Англии — это альтернатива между «британской» и «английской» версиями истории, в России — между традиционной государственной историей, в которой главное место отведено русской этничности, и национальными (националистическими) историями. В Англии разработка «английской версии» началась уже в XIX в. и получила новый импульс после 1980-х годов в результате усиления внимания к теме национализма и мультикультурализма. Автор раскрывает ее в основном на примере англосаксонских мотивов в историческом воображении и в меньшей степени — обратившись к интерпретациям Английской революции XVII в. В России это произошло гораздо позднее, только в 1990-х годах, и проблема остается мало артикулированной. Проявления «альтернативности» автор видит в немногочисленных попытках, скорее, намеках на небесспорность «москвоцентристской версии» истории российской государственности, а также в некоторых работах, появившихся на периферии, например в Татарстане. Однако в целом «российская историография русской истории продолжает пребывать в плену устаревших клише социально-экономической и государственной истории, не развиваясь как национальная и избежав периода переписывания и национализации прошлого, что было характерно для национальных историографий республик и других европейских регионов, которые на протяжении 1990–2000-х годов пережили процесс националистического возрождения» (с. 312).

Следующие главы монографии можно назвать *case studies*. Они демонстрируют процесс демифологизации, раскрытия мифов, буквально пронизывающих историческую память народов. К.и.н. О.В. Заиченко в 11–12 главах, по моей оценке, блестящих по исполнению, показывает долговременность поиска немецкой идентичности и выделяет в нем две фазы. Первая продолжалась с XV до конца XVIII в., вторая нашла свое выражение во время борьбы с Наполеоном, причем ключевым моментом был ответ на вызов — поражение Пруссии в 1807 г. Раздробленность Германии, простое отсутствие этого понятия на карте обусловили сложность процесса, создавая в то же время дополнительный стимул. По О.В. Заиченко, поиск немецкой идентичности осуществлялся в рамках основополагающего для всех народов мифа о «славных предках». Однако к этому добавлялись отражающие местный колорит мифы о превосходстве немецкого языка, на котором говорили «боги и герои древней Трои», над романской языковой группой (читать об этом по-настоящему увлекательно); миф о великом Герое Армии и легендарной победе над римлянами в Тевтобургском лесу. Эти мифы жили десятилетиями, на них базировались идеи о превосходстве арийской расы, о добродетелях немецкой женщины-матери и т.п. Привлекает, что Заиченко умеет убедительно разъяснить контекст, в котором конструировались и интерпретировались мифы идентичности.

В 13 главе, подготовленной к.и.н. А.Г. Васильевым, рассматривается значение сарматизма (мифа о происхождении поляков от сарматов) в процессе формирования польской идентичности. Автор показал, что «сарматская легенда» начала складываться в XV–XVI вв. и приобрела центральное значение в культуре «шляхетского народа». В XVIII в. теория сарматского происхождения стала общепринятой в польской науке и использовалась для укрепления престижа государства в международной сфере, поскольку доказывала наличие древних корней. В XIX в. она оставалась символом культурной памяти благодаря публицистике и литературе, однако тогда же возник критический подход. А.Г. Васильев указал на политическое использование «сарматского мифа», например Ю. Пилсудским или в «народной Польше». В наши дни сарматизм часто выступает как культурный код в борьбе либеральных и консервативных сил, а также «символической борьбы за доминирующую модель польской национальной идентичности».

В 14 главе д.и.н. А.А. Щелчков прослеживает влияние на боливийское общество в целом и на

самосознание индейских народов индеанизма в его общественно-политическом и идеологическом контексте. Автор указал на возникновение индеанизма в начале XX в. и на его эволюцию в течение следующих десятилетий. Особенности современного этапа «болливийского случая» состоят в отказе от единой идентичности, согласии о сосуществовании разных идентичностей в рамках единого политического сообщества.

Что касается пожеланий общего характера, стоило, думается, подчеркнуть проблему в ракурсе реакции на вызов мультикультурализма и глобализма как одну из причин обострения дискуссий об идентичности. Можно выделить два типа реакции – отвергающую и принимающую. К первой относятся этноцид, ассимиляция и сегрегация.

Ко второй – три вида мультикультурального подхода: консервативный, либеральный и критический, а также космополитизм. Почти все эти модели представлены в историческом и обществоведческом образовании у нас или за рубежом и в учебных текстах по истории. Вероятно, их можно обнаружить и в текстах иного рода, в том числе трудах историков. Главная линия, на которой происходит трансформация, пролегает от понимания нации как общности с четкими границами (территория, язык, гражданство) к тому, как индивид идентифицирует себя. Эта тенденция ведет к новой культуре этничности, что нашло отражение в книге. Можно быть уверенным в том, что каждый читатель книги «Прошлое для настоящего» найдет для себя в ней новое и интересное.

DOI: 10.31857/S013038640014293-0

© 2021 г. Г.Н. Канинская

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рец. на книгу: **ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ОТ МНОГОПОЛЯРНОСТИ К БИПОЛЯРНОМУ МИРУ** (под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина). М.: Изд-во Московского университета, 2020, 885 с.

Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

E-mail: kaninsk6@mail.ru

Researcher ID: ABD-8257-2020

G.N. Kaninskaya

WORLD WAR II AND THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

Rec. ad op.: **THE SECOND WORLD WAR AND THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS. FROM MULTIPOLARITY TO BIPOLAR WORLD** (Eds. L.S. Belousov, A.S. Manykin). Moscow: Moscow University Press, 2020, 885 p.

Galina Kaninskaya, Department of World History, Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: kaninsk6@mail.ru

Researcher ID: ABD-8257-2020